

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

Сентябрь 1941 года. Вступил в силу указ Правительства о депортации людей немецкой национальности. И повезли эшелоны целый народ, в Сибирь, Казахстан и среднюю Азию. День и ночь стучали колёса поезда. Духота, скученность. Вагон полон народа: мужчины, женщины и дети, нары в два этажа. Окон у вагона нет, только широкая задвижная дверь, которая всё время открыта. Поперёк неё прибита круглая жердь, чтобы люди могли держаться, когда надо справить нужду на ходу поезда. Остановки бывают, но никогда не угадаешь, сколько простоит поезд. Часто его загоняют на задворки станций и хорошо, если местные жители подходят к вагонам, чтобы предложить продукты в обмен на вещи, потому что деньги давно у всех закончились.

Если поезд останавливается близко к вокзалу, во все посудины набирают воду или, если повезёт, кипяток. На крупных станциях к эшелону подходят военные в фуражках с красными околышками и сверяют наличие людей со списком. В начале пути переселенцы пытались выяснить у военных, куда же их везут, но ответа не получали. Впереди всех ждала неизвестность.

Не смотря ни на что, пятилетней Нине ехать было интересно, и она никак не могла понять, почему взрослые так часто плачут и молятся. Всё время слышится это непонятное слово: «угнали». Кого угнали, куда угнали? Целый день девочка сидит или лежит на нарах. Спускаться на пол тётя Юля не разрешает. Запасливая тётушка многое предусмотрела и прихватила для ребёнка детский горшочек. Девочка играет тряпичной куклой и щепочкой. Есть ещё старая азбука, в которой замечательные картинки, но их Нина знает уже наизусть. Со своего места ребёнок видит открытую дверь и там всё время мелькают интересные картинки, особенно когда поезд медленно ползёт меж маленьких станций, или огибает по большой дуге небольшие города и посёлки.

Если попадались неубранные картофельные поля, молодые парни и мужчины выскакивали на ходу, накапывали руками ведро, два, картошки и успевали заскакать обратно. Картошка была вкусной, но иногда Нине хотелось пряника или булки, но тётя Юля сказала, что сейчас война и надо есть, что Господь даёт.

Кончался сентябрь, в пути переселенцы находились уже почти месяц. Были съедены все запасы, и тётушкам пришлось обменять их праздничную одежду на продукты, чтобы хоть как-то продержаться. Так Нина осталась без новых туфелек и кружевного воротника.

Наконец, поезд, дымя трубой и сигналив свистком, медленно подъехал к маленькой станции. Вместо вокзала – дощатый барак. Наготове стоят арбы и телеги, в них запряжены волы и тощие лошади. Волы задумчиво жуют жвачку, не обращая внимания на суету вокруг. Кучкой стоят странно одетые мужчины, они опасливо смотрят на вновь прибывших. Военные кричат и выгоняют всех из вагонов. Нина цепляется за узел с вещами и боязливо, стороной обходит кричащего ишака. На привокзальной площади становится шумно. Оказывается до жилья надо ещё ехать. Ребятишек и пожитки загрузили на телеги.

Кругом расстились голые Казахстанские степи. Ветер дул, казалось со всех сторон, и катал какие-то лохматые комки прутьев, очень пугавшие присмиривших детей. Вдали показались дома и бараки. Это было конечный пункт – станция Айдабул. Всех приехавших поселили в большом двухэтажном доме, по несколько семей в комнате. К Нине с двумя тётями, Юлией и Эрной, подселили ещё женщину с грудным ребёнком.

Жили все примерно одинаково: плохо питались, носили перешитую одежду, выводили керосином вшей, вечных спутников войны. Но дети всегда оставались детьми, и очень скоро Нина подружилась с соседскими ребятишками. Играли дети самодельными игрушками. У девочек были тряпичные куклы с нарисованными лицами, да пара лоскутков, вот и всё богатство. Мальчики бегали по пыльному двору, оседлав палочку, и стегая воображаемого коня прутиком.

Как-то на свой день рождения Нина получила шикарный подарок – живого цыплёнка. Вырос он и превратился в чёрную курицу, назвали её Чернушка. Для девочки это был товарищ по играм. Чернушка оказалась терпеливой и понятливой. Позволяла заворачивать себя в половик и послушно слушала колыбельные песенки Нины. Зная своё имя, курица поспешно прибежала на зов и громко пела: «Ко-ко-ко», - если ей предлагали какое-то лакомство.

Зимой стало совсем тоскливо и голодно. Гулять было не в чем. По карточкам паёк был невелик. Тётушки посоветовались, и решили менять на еду последнее из «лишних» вещей - рукодельные принадлежности. Раньше, ни одна женщина не мыслила свою жизнь без корзинки для рукоделия. Однако, сейчас другого выхода не было. И трудно описать радость, которую испытали тётушки, когда молодая казашка, невеста на выданье, вынесла им целое ведро овса в обмен на их пёстрые атласные ленты. Овёс растягивали, как могли. Но вечно ничего не бывает, и к весне, стало, совсем нечего есть. Нина тяжело заболела. Врач прописал усиленное питание. И тогда курица «пропала», а истощенная девочка ела вкусные супы и куриное мясо. Так Чернушка спасла свою маленькую хозяйку.

Девочка росла, одежда изнашивалась, а купить было нечего и не на что. Выручала старая одежда, которую по несколько раз перелицовывали и перешивали, и когда края уже совсем плохонькие были, выкраивали детям по потребностям. Сейчас такое слово «перелицевать» молодёжь и не знает. Просто одежду распарывали и сшивали наоборот, левой стороной наружу. Обновкой гордились и берегли. И Нине тоже тётя из старой одежды сшила платье и пальтишко. Сама она обносилась до крайности и когда работницам спиртзавода, где работал весь посёлок, разрешили забрать старые рогожные мешки – женщины всего посёлкашили себе юбок. Больше рогожа ни на что не годилась, была толстой, грубой и тяжёлой.

От постоянного недоедания Нина росла слабым ребёнком, не могла много и быстро бегать и даже солнечным летом всё больше сидела в тенёчке. Постоянно хотелось есть. Казалось, кончится война и тогда будет чёрного хлеба вдоволь. О белом хлебе и не мечтали. Был случай, когда несколько дней в городок возили мало продуктов, и переселенцам не доставалось. Нина с тётушками сидели голодные, и тут соседка принесла гостинец – головку чеснока. Тётя сказала племяннице: «Подожди, схожу, попрошу хлеба в долг». Когда она вернулась, чеснока уже не было. Нина съела его с шелухой.

Каждый месяц все жители барака, вместе с детьми, ходили отмечаться в комендатуру. Там же делали запросы и добывали информацию о своих родственниках. На запрос тётушек ответ пришел аж из далёкой Сибири. За прошедшие годы неизвестности некоторые их родные уже умерли, в том числе и отец Нины. Эта новость её не расстроила. Девочка успела забыть, как он выглядел, а свою рано умершую мать она вообще не помнила. Часто во сне Нина бежала навстречу родителям, обнимала их, радовалась, но лиц во сне не видела. Детская память сохранила только руки мамы, которая усадив детей за столом, укладывала куриные яйца в полотняный мешочек, чтобы сварить их в большом блестящем самоваре.

Настал долгожданный день победы. Родовались все, обнимались и целовались на улицах даже незнакомые люди. Нина на всю жизнь запомнила, как её радость прервали: «А ты что радуешься? Это наш праздник – фашистка». После этих слов Нина долго плакала. Посоветовавшись, тётушки решили ехать в Сибирь для воссоединения с родными. Выхлопотали разрешение в комендатуре, получили проездные документы и паёк в дорогу. Выдали им большой круг сыра. Вкус ломтей сыра запомнился Нине надолго. Казалось, вкуснее ничего нет! Ехали несколько недель и приехали в Томск поздней осенью 1945 года.

Первое время жили в землянке, в деревне Чёрная речка. Теперь Нина жила со своими братьями, Виктором и Робертом. Родственники не оставили трёх сирот, не сдали их в детский дом, воспитывали и растили, как могли. Жили небогато, скудное пропитание

делилось на всех. Потихоньку жизнь налаживалась. Взрослые работали, дети ходили в школу. Нине давно надо было учиться, в связи с переездом год пропал, и в первый класс она пошла уже в девять лет. Русский язык дети освоили быстро и учились неплохо. Обижало только отношение местных к немецким переселенцам. Когда к новому году вручали валенки сиротам, Нине отказали. Немецким сиротам подарки были не положены. Одевались тогда просто: телогрейка на вате, нитяные чулки и бурки с калошами. Сейчас телогрейку ещё можно в музее увидеть, а бурки вряд ли.

Те годы давно миновали. Жизнь прожита большая и трудная. Слушая воспоминания бабы Нины, многое её внукам кажется нереальным и удивительным. И не понимают они – почему бабушка плачет, рассматривая старые фотографии, каждый раз тихо повторяя: «Пусть такое не повторится, никогда...никогда...»